

I. ШУМЕРСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Шумерский героический эпос стал нам известен сравнительно недавно, и пока мы знаем всего около десятка героикоэпических поэм¹. Пять из них посвящены самому любимому герою шумерийцев Гильгамешу: «Гильгамеш и Ага», «Гильгамеш и гора бессмертных», «Гильгамеш и небесный бык», «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир», «Смерть Гильгамеша». Четыре поэмы (или, возможно, фрагменты двух поэм) рассказывают о других героях: о Лугальбанде и Энмеркаре. Все они относятся к циклу легенд о героях Урука².

Таблички, на которых написаны поэмы, были найдены экспедициями Пенсильванского университета в Ниппуре, религиозном центре шумерийцев, и датируются началом II тыс. до н. э., т. е. эпохой государств Исины и Ларсы. Однако события эпоса не отражают этой эпохи. Во времена Исины и Ларсы на территории Двуречья уже давно существовало рабовладельческое общество с развитым частным землевладением и сравнительно интенсивными товарно-денежными отношениями³. Во главе государств Исины и Ларсы стояли цари, носящие титул *lugal KI.EN.GI KI.URI* «царь Шумера и Аккада».

Иную картину общества рисует эпос. Слово *egè* (аккадское *wardum*), во времена Исины и Ларсы обозначавшее раба, в эпосе не имеет ясно выраженного классового значения, его скорее следует переводить «слуга». Вместо денежных отношений широко распространен натуральный обмен (так в поэме «Энмеркар и верховный жрец Аратты» Энмеркар получает от верховного жреца Аратты строительные материалы в обмен на зерно и скот). Политическими единицами являются города, во главе которых стоят лица с титулом *en. KI.EN.GI* и *KI.URI* — только географические понятия, обозначающие юг и север Двуречья. Иными словами, если исходить из характера общества, события эпоса должны были происходить значительно раньше эпохи Исины и Ларсы.

Историю Шумера до эпохи Исины и Ларсы делят на следующие периоды: непосредственно перед временем Исины и Ларсы — III династия Ура (2132—2024 гг. до н. э.)⁴, далее аккадский период, время объединения Двуречья под властью города Аккада (XXIV — XXIII вв. до н. э.), раннединастический период (около XXVIII — XXIII вв. до н. э.), который в свою очередь делится на подпериоды⁵, и периоды, кото-

¹ Это число поэм установлено не окончательно. Вследствие того что шумерский героический эпос сохранился во фрагментах, в ряде случаев бывает трудно определить состав отдельных поэм.

² Относительно библиографии работ по этим поэмам см. M. Lambert, *La littérature sumérienne, à propos d'ouvrages récents*, RAss, 1961, № 4, стр. 181—184.

³ И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*. Шумер, М., 1959, стр. 274.

⁴ Датировка дается по В. В. Струве.

⁵ Археологи обычно делят раннединастический период на три подпериода, см. H. W. Eliot, *Excavations in Mesopotamia and Western Iran Sites of 4000—5000 B. C.*, Cambr. Mass., 1950. Здесь мы различаем только два подпериода — ранний (I)

рые, очевидно, можно назвать доклассовыми, до XXIX—XXVIII вв. до н. э. (Джемдет-Наср, Урук, Эль-Обейд).

Вопрос состоит в том, к какому из этих периодов, исходя из характера общества, следует отнести историческую обстановку, рисуемую эпосом. С этой точки зрения их никоим образом нельзя отнести к эпохе III династии Ура, так как для общества того времени характерно единое рабовладельческое государство с деспотической властью царя, сильной бюрократией, огромным царским земельным хозяйством и довольно развитыми товарно-денежными отношениями.

Обстановка эпоса не может быть отнесена также к аккадскому периоду, в течение которого на территории Двуречья складывается единое рабовладельческое государство, власть царя становится деспотической, непосредственные производители экономически постепенно превращаются в рабов, храмовое хозяйство окончательно переходит под власть царя.

Действие эпоса нельзя отнести и ко II раннединастическому периоду, так как власть правителя в этот период значительно сильнее и в политическом, и в экономическом отношении по сравнению с тем, что рисует эпос.

Характер общества, описанный в эпосе, наиболее всего подходит к обществу I раннединастического периода, которое мы знаем на основе хозяйственных документов из Киша, Ура и Шуруппака. К этому периоду относилась жизнь героев эпоса и сама шумерская историческая традиция: три героя эпоса — Энмеркар, Лугальбанда и Гильгамеш — упоминаются в списке шумерских царей, составленном при III династии Ура, как второй, третий и пятый правители I династии Урука. За ней в списке следует I династия Ура, от которой сохранились надписи, относящиеся к началу II раннединастического периода. Вполне возможно, что герои эпоса были историческими личностями. До нас дошла надпись отца одного из второстепенных героев эпоса — Аги, правителя Киша⁶.

События эпоса относятся, таким образом, к I раннединастическому периоду, но надо еще выяснить, к какому времени следует отнести сложение самих эпических поэм как памятников литературных. Для ответа на этот вопрос важные сведения дает язык эпоса. Характерной особенностью его является довольно последовательное отражение грамматических показателей. На основе твердо датированных памятников (законы Липит-Иштар, надписи Самсуилуны, Синиддинама, Гимильсина и др.) удалось установить, что эта особенность характерна для ранней ступени так называемого послешумерийского периода в истории развития языка (XX—XVIII вв. до н. э.).

Однако характер языка, по всей вероятности, недостаточно точно определяет время составления поэм. То обстоятельство, что героический эпос (особенно поэма «Гильгамеш и Ага») с удивительным знанием рассказывает о событиях I раннединастического периода и рисует общество именно этого периода (вряд ли позднейшие авторы могли в такой степени архаизировать свое собственное общество) заставляет нас отнести его составление все же к значительно более раннему времени, чем XX—XVIII вв. до н. э.

Принимая во внимание хорошее знание эпосом событий I раннединастического периода, можно было бы, конечно, предположить, что он был составлен именно в этот период. Однако против такого предположения говорит уже тот факт, что для самих составителей эпоса события, описываемые в нем, были далеким прошлым. Особенно наглядно чувствуется это в традиционном начале шумерийских эпических песен, которые почти всегда начинаются словами: «в те дни, когда были определены судьбы...» или «после того как небеса были отделены от земли...». Для автора поэмы «Энмеркар и верховный жрец Аратты» события ее казались настолько древними, что Энмеркару,

около XXVIII—XXV вв. до н. э., поздний (II), около XXV—XXIII вв. до н. э. Для позднего раннединастического подпериода имеются надписи правителей, почти полностью отсутствующие в раннем подпериоде.

⁶ D. O. E d z a r d, Enmebaragesi contemporain de Gilgameš, «Gilgameš et sa légende», P., 1960, стр. 57.

жившему приблизительно в XXVI в. до н. э., он приписывает изобретение письменности, которая в действительности возникла в XXXIV—XXXIII вв. до н. э. В то же время письменность I раннединастического периода, известная нам по хозяйственным текстам, была еще не приспособлена для записи сложных литературных произведений.

Поэтому вернее всего предположить, что дошедшие до нас таблички с записью эпических песен представляют собой только копии, а сам эпос возник в эпоху, более близкую событиям, о которых он рассказывает. Первоначально эпос, по-видимому, существовал в устной форме. Первую его запись скорее всего следует отнести к так называемому новшумерийскому периоду (около XXII—XX вв. до н. э.), к которому восходит большая часть шумерийских литературных произведений. При последующих переписках язык, очевидно, был модернизован, но отсутствие более ранних копий не дает возможности с уверенностью говорить об этом.

Определяя эпоху составления эпоса в целом, не следует забывать, что отдельные поэмы создавались не в одно и то же время и, очевидно, разными школами, что ясно чувствуется в стиле поэм. Простой, лаконичный стиль поэмы «Гильгамеш и Ага» абсолютно не похож на витиеватый, изощренный стиль поэмы «Энмеркар и верховный жрец Аратты».

На основе некоторых наблюдений можно, например, сказать, что поэма «Энмеркар и верховный жрец Аратты» была составлена, по всей вероятности, несколько позднее, чем поэма «Гильгамеш и Ага». Автор поэмы «Гильгамеш и Ага» несравненно ближе к событиям, о которых он рассказывает, чем автор поэмы об Энмеркаре, и сами эти события в меньшей степени мифологизированы, а власть правителя в первой поэме носит менее самостоятельный характер, чем во второй.

Героический эпос, как указывалось выше, рассказывает о событиях I раннединастического периода. Поскольку от этого периода дошли только хозяйственные документы, дающие сведения в основном в области хозяйственной жизни, постольку использование героического эпоса как исторического источника для изучения ранней истории Шумера имеет огромное значение. Настоящий очерк посвящен только двум шумерийским героико-эпическим поэмам — «Энмеркар и верховный жрец Аратты» и «Гильгамеш и Ага», которые в этом плане представляют наибольший интерес и пока наиболее изучены. Выбор этих двух песен объясняется также тем обстоятельством, что в противоположность остальным поэмам, носящим мифологический характер, они дают гораздо больше исторического материала и повествуют о событиях реальной жизни. В поэме «Гильгамеш и Ага» описан эпизод борьбы между правителем города Киша Агой и Гильгамешем, правителем города Урука. Поэма «Энмеркар и верховный жрец Аратты» рассказывает о споре между Энмеркаром и верховным жрецом Аратты из-за постройки храмов в Уруке. Эта поэма как исторический источник ценна уже тем, что сообщает об оживленных сношениях между городами Шумера и соседними странами в III тыс. до н. э.

Локализация Аратты не ясна. Судя по тексту поэмы, она находилась, скорее всего, в горах восточнее Элама, так как гонец Энмеркара, прежде чем попасть в Аратту, проходит через города Элама — Сузы и Аншан — и переваливает через семь гор. С. Н. Крамер предположительно локализует Аратту в горах южного Ирана, на территории совр. Ларистана.

Об Аратте и сношениях с ней говорится в другой шумерийской поэме об Энмеркаре и верховном жреце Аратты, в которой упоминается и имя этого жреца — Энсукушси. Эта поэма, к сожалению, еще не издана, имеется только краткое изложение ее содержания с переводом отдельных отрывков, сделанное С. Н. Крамером⁷. В ней опять речь идет о споре между Уруком и Араттой, но на этот раз зачинщиком спора является Энсукушсиранна. Он посылает гонца в Урук и требует, чтобы Энмеркар подчинился Аратте и принес туда богиню Инанну. Но Энмеркар отвечает, что Инанна должна остаться в Уруке, а Аратта должна покориться Уруку. Получив такой ответ, жрец Аратты обращается за помощью к собранию граждан, однако последнее под тем

⁷ S. N. Kramer, From the Tablets of Sumer, 1956, стр. 232—234.

предлогом, что жрец Аратты затеял спор первым, отвечает ему отказом. Тогда на помощь Энсукушсиранне приходит жрец Аратты *машмаш*, который уверяет, что он «перейдет реку Урука», покорит все страны «верхние и нижние, от моря и до горы кедра» и вернется в Аратту с тяжелогруженными лодками. Однако жреца *машмаш* убивают и тело его бросают в Евфрат. Узнав о гибели этого жреца, Энсукушсиранна срочно шлет Энмеркару послание, в котором признает себя побежденным. Самое интересное, что в этой поэме упоминается морской путь в Аратту на лодках. Об Аратте и семи горах, отделявших ее от Урука, говорится и в поэме о Лугальбанде и Энмеркаре, которая также еще не издана и известна пока только в кратком изложении⁸. В одном из вариантов поэмы «Гильгамеш и гора бессмертных» упоминаются семь чудовищ, которые «на земле знают путь в Аратту»⁹. Довольно частые упоминания Аратты в шумерийских эпических песнях заставляют думать, что эта страна была хорошо известна в Шумере.

Сведения, сообщаемые эпосом о сношениях с Араттой, имеют большое значение и для вопроса о связях Шумера со странами Востока, в частности с Индией. Как известно, в результате археологических раскопок на территории как Шумера, так и Индии (в Мохенджо-Даро и Хараппе) были обнаружены вещественные памятники, свидетельствующие о сношениях между этими странами¹⁰. Найденная в Мохенджо-Даро бусина из сердолика по форме, обработке и материалу тождественна шумерийским бусинам, обнаруженным Л. Вулли в царских гробницах Ура. А обломок светло-зеленого стеатитового сосуда из Мохенджо-Даро по орнаменту, материалу и цвету также соответствует шумерийским изделиям. С другой стороны, в Ираке были найдены вещи, характерные для культуры Хараппы и Мохенджо-Даро. Во время раскопок в Кише, Уре и Телль-Асмаре (Ашнуннак) археологи обнаружили несколько печатей-амулетов индийского происхождения. Особенно интересна цилиндрическая печать, найденная А. Франкфортом в Телль-Асмаре. На этой печати изображены животные Индии: слон, носорог и крокодил, которые ни разу не встречаются на шумерийских печатях, так как в Шумере эти животные не водились; кроме того, резьба на печати выполнена несомненно в стиле культуры Хараппы. На основе найденных в Ираке вещей индийского происхождения древнейшие слои Мохенджо-Даро и Хараппы датируются серединой III тыс. до н.э. или несколько более поздним временем, т.е. приблизительно тем же временем, что и события шумерийского эпоса¹¹.

Шумерийский эпос помогает выяснить, каким образом предметы из Индии попадали в Ирак и, с другой стороны, из Ирака в Индию. Если между Уруком и Араттой, расположенной на пути в Индию, существовали, как сообщает эпос, оживленные связи, то вполне возможно, что они распространялись дальше и доходили до Индии. Даже в том случае, если между Шумером и Индией не было непосредственных сношений, посредником между ними могла быть Аратта.

Шумерийцы, указывает эпос, пользовались для связей с Араттой двумя путями: первый шел сушей через Элам и горные районы, второй — морем, по-видимому, до соседнего с Араттой Элама. Существование в III тыс. до н.э. морского пути из Шумера в Элам подтверждается хозяйственными документами из Лагаша II раннединастического периода, которые представляют собой перечень товаров, доставленных в Лагаш на кораблях из Элама¹². Этими же путями могли идти сношения с Индией. Интересно, что в Мохенджо-Даро был найден черепок с изображением судна с парусом.

Как сообщает нам поэма «Энмеркар и верховный жрец Аратты» шумерийцы вследствие того, что в Шумере не было строительных материалов — камня и древесины, а

⁸ K r a m e r, From the Tablets of Sumer, стр. 235—237.

⁹ S. N. K r a m e r, Gilgamesh and the Land of the Living, JCS, I, 1943, № 1, стр. 36.

¹⁰ См. Э. М а к к е й, Древнейшая культура долины Инда, М., 1951, гл. VIII.

¹¹ М а к к е й, Древнейшая культура долины Инда, стр. 128—130.

¹² См. M. L a m b e r t, Textes commerciaux de Lagash (III), ArOr. XXIII, 1955, стр. 568.

также металлов, были вынуждены устанавливать связи с другими странами. Поэма начинается с того, что Энмеркар, озабоченный тем, что храмы Урука пришли в негодность, а материалов, необходимых для их перестройки, нет, обращается с мольбой к покровительнице Урука богине Инанне и просит ее заставить людей Аратты, в которой эти материалы имелись, принести их в Урук и построить храмы.

Поэма показывает, как постепенно менялся характер отношений между Уруком и Араттой. Если сначала Энмеркар пытается просто покорить Аратту и заставить ее людей доставить строительные материалы и построить храмы, объясняя это волей богини Инанны, то потом он вынужден идти на уступки, и дело в конце концов кончается тем, что между Уруком и Араттой начинается обмен. Люди Аратты отправляют в Урук камни, золото, серебро, бронзу, свинец, лазурит, изделия из дерева, а Энмеркар посылает в Аратту зерно и скот, которых не было в Аратте. То, что шумерийцы привозили с востока — и, в частности, из Элама, именно эти товары, подтверждается уже упомянутыми документами из Лагаша. В одном из них, например, перечисляются изделия из дерева, главным образом сельскохозяйственные орудия и шесты для лодок, доставленные лодочником из Элама ¹³.

Помимо сведений о связях Шумера с соседними странами и о характере этих связей, шумерийский героический эпос содержит интересные данные о государственном строе, существовавшем в Шумере в XXVII—XXVI вв. до н. э., как он представлялся последующим поколениям. Это время, сообщает нам эпос, было заполнено войнами и спорами между отдельными городами. Из-за чего же велись войны? В поэме об Энмеркаре спор возникает из-за того, что Энмеркар хочет заставить жителей Аратты принести в Урук строительные материалы и построить храмы. В поэме о Гильгамеше Ага нападает на Урук, очевидно, чтобы покорить восставший город. Интересна следующая деталь — Гильгамеш в своей речи перед старейшинами города мотивирует свое нежелание покориться Кишу тем, что это помешает строительству колодцев и каналов в стране. Напротив, старейшины считают, что подчинение Кишу лишь поможет этому строительству, и советуют покориться. Материалы эпоса, таким образом, показывают, что в I раннединастическом периоде уже появляются тенденции к объединению страны с целью создания единой ирригационной системы.

Во главе городов, ведущих войны друг с другом, стоят лица с титулом *эн*. Эпос помогает выяснить, какова была власть этих лиц. В поэме «Энмеркар и верховный жрец Аратты», главные герои которой носят этот титул, на первый план выступают жреческие функции *эн*. Энмеркар сам совершает моления — «я из храма буду возносить хвалу, в святилище буду исполнять обряды...» (сткк. 57—58); приносит жертвы — «я в середине (святилища) жертвы... буду приносить» (стк. 47); совершает магические обряды — «(Энмеркар) Тигр с Евфратом соединил, Евфрат с Тигром соединил (очевидно, имеются в виду их культовые изображения.— П. К.). Большие каменные сосуды высоко поставил, маленькие каменные сосуды точно ягнят, щиплющих траву и зелень, возле них он поставил» (сткк. 311—314); заботится о постройке храмов. Энмеркар живет в особом покое,носящем название «Гипар, приносящий плоды подобно (неясное слово)».

Эн, несомненно, верховный жрец города-государства, поскольку он носит титул «*эн* Урука» или «*эн* Кулаба», «*эн* Аратты». Энмеркар даже отождествляет себя со всем городом, «Аратта Уруку, мне, пусть покорится!», — говорит он, — или, — «большое святилище для меня пусть построят, большой храм для меня пусть возведут!».

Насколько можно судить по материалам обеих поэм, функции *эн* не ограничивались жреческими. *Эн* имел право самостоятельно распоряжаться имуществом общины — так, Энмеркар, поняв, что силой подчинить Аратту невозможно, приказывает отправить ей зерно и скот. В обязанности *эн* входило, по всей вероятности, также строительство каналов, колодцев и проведение прочих общественных работ. В поэме «Гильгамеш и Ага» Гильгамеш ведет речь о постройке каналов и колодцев вначале перед собранием старейшин, а затем перед собранием граждан. Относительно организации

¹³ L a m b e r t, Textes commerciaux..., № X, 7 (DP 486).

такого рода работ поэмы сообщают мало. Упоминается термин *éš-kàr*, который позднее означает «рабочее задание»: «люди Аратты, как если бы они выполняли рабочее задание... лазурит в его месторождениях для нее (Инанны) собирают» (сткк. 618—623). В этот период, очевидно, уже существовал довольно развитый бюрократический аппарат во главе с *эн*. В тексте поэм упоминаются управляющие (*nu-bànda* и *šà-tam*), надзиратели (*ugula*); это были, во всяком случае позднее, звания должностных лиц храмовой администрации. Очевидно, к представителям административного персонала следует отнести лицо с титулом *энси*, упоминаемое один раз в одном из вариантов поэмы о Гильгамеше и Аге и один раз в поэме об Энмеркаре. Подобное предположение подтверждается тем обстоятельством, что в поэме о Гильгамеше этот титул встречается в том же контексте, что и упомянутые представители администрации храмового хозяйства *ugula* и *nu-bànda*. К сожалению, в поэме об Энмеркаре титул *энси* встречается в плохо понятном контексте: «(гонец Энмеркара) во двор Аратты радостно вошел, к своему *энси* п-дошел» (сткк. 439—440), на основе которого невозможно сказать что-либо определенное об его функциях.

Следует отметить, что в мифах и эпосах этот термин вообще встречается крайне редко. В хозяйственных документах I раннединастического периода он впервые упоминается в архиве из Ура (*ensí-gal* «какой-то чиновник») ¹⁴ и в архиве из Шуруппака, где наряду с *ensí-gal* и *ensí-(gal)-gar* употребляется, правда, очень редко термин *ensí* ¹⁵. В текстах из Шуруппака *энси* занимает уже несколько более высокое положение, так как при выдаче продуктов из храма он получает большую долю, чем остальные лица ¹⁶. Во II раннединастическом периоде титул *энси* носит правитель города-государства.

Возможно, *эн* назначал сборщиков налогов. Правда, перевод отрывка, на основе которого можно говорить об этой стороне деятельности *эн*, не совсем бесспорен: «в отряде сборщика податей (?) пусть он назначит!» (стк. 281).

В тексте поэм Энмеркара и Гильгамеша называют также «*лугалем*»: «Твой отец, а мой *лугаль*, к тебе меня прислал, *эн* Урука, *эн* Кулаба к тебе меня прислал», — говорит жрецу Аратты гонец Энмеркара, — «Гонец, твоему *лугалю*, *эн* Кулаба передай!», — отвечает жрец Аратты или — «Гильгамеш через стену посмотрел, Ага его там увидел (у Бирхуртура спрашивает: «Слуга, (этот) муж — твой *лугаль*?»»).

Термин *лугаль* сравнительно поздний и впервые встречается в тексте из Ура (один раз), в собственных именах в Уруке слоя Ib и в Шуруппаке, а также в документах о купле-продаже земли, относящихся к XXVIII—XXVI вв. до н. э. ¹⁷. Во всех этих документах *лугаль* обычно не является титулом, а означает «хозяин, господин». Впервые *лугаль* как титул засвидетельствован в документе Энхегали (XXVIII в. до н. э.), где Энхегаль называется *лугалем* города Лагаша ¹⁸.

Торкильд Якобсен в статье, посвященной ранней политической истории Месопотамии, выдвинул предположение, что первоначально в шумерийском городе-государстве существовало два лица, избираемых народным собранием на определенный срок: одно — *эн* «верховный жрец», другое — *лугалем* «военный вождь», и что в дальнейшем один из них присвоил себе функции другого ¹⁹.

В эпосе мы застаем следующую картину. Если *эн* — официальный титул, то *лугаль*, по крайней мере по отношению к Энмеркару и Гильгамешу, подобного значения не имеет, так как никогда не встречаются выражения «*лугаль* Урука» или «*лугаль* Кулаба». Слово *лугаль* почти всегда стоит с притяжательным местоимением и поэтому

¹⁴ А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М.—Л., 1956, стр. 68 (УЕТ, II, № 35, II, 1) (далее — ГХДШ).

¹⁵ Дьяконов, Шумер, стр. 100, прим. 159.

¹⁶ Тюменев, ГХДШ, стр. 96.

¹⁷ Там же, стр. 67 и Дьяконов, Шумер, стр. 47—49 и стр. 122, прим. 10.

¹⁸ Дьяконов, Шумер, стр. 47 сл.

¹⁹ См. T. Jacobsen, Early Political Development in Mesopotamia, ZAss, 18 (52), 1957.

Основное содержание обеих поэм, как уже отмечалось, — борьба между городами, в одном случае — между Уруком и Араттой, в другом — между Кишем и Уруком, которая ведется с целью захватить территорию чужого города и подчинить ее себе. Это указывает на попытки установить гегемонию отдельного города на большей территории. Некоторым городам это удастся; так, насколько можно судить по содержанию поэмы «Гильгамеш и Ага», Урук был захвачен Кишем. В этом обстоятельстве, может быть, следует искать причину того, почему Ага носит титул «*лугаль* Киша», во всяком случае позднее этот титул был связан с претензией на военную гегемонию во всем Шумере и даже толковался как «*лугаль* вселенной»²⁰.

Если судить по поэме о Гильгамеше, военным вождем *эн*, вероятно, становился только на время военных действий. С этой точки зрения интересен эпизод, в котором представители народного собрания Урука, обращаясь к Гильгамешу, в ответ на его вопрос, следует ли подчиняться Кишу, произносят следующую речь, в которой впервые называют его *лугаль*: «Урук — творение богов, великую стену, примыкающую к туче, ты охраняешь, ты — *лугаль*, герой!». Только после этого Гильгамеш берет на себя оборону города. В этом эпизоде, быть может, следует видеть выборы военного вождя. Напротив, в поэме об Энмеркаре, как в более позднем произведении, *эн*, очевидно, уже стал совмещать функции жреца и военного вождя.

Все вышеизложенное не означает, однако, что власть эн была неограниченной. Эпос упоминает совет старейшин и народное собрание, роль которых в этот период значительна. Эн, например, не имеет права без санкции совета старейшин и народного собрания решать вопрос о войне и мире. В поэме, рассказывающей о борьбе Урука с Кишем, Гильгамеш, прежде чем ответить послам Аги, должен обратиться к старейшинам и гражданам своего города. Интересно, что, выслушав тех и других, он поступает так, как советует народное собрание, а не старейшины.

В поэме «Энмеркар и верховный жрец Араты» власть народного собрания и совета старейшин ощущается меньше — Энмеркар не раз принимает важные решения, не созывая собрания. В тексте лишь один раз и то в неясном контексте встречается *ab-ba-ab-ba-inim-zu-ne*, букв. «мудрые отцы» (старейшины). Упомина-

²⁰ Дьяконов, Шумер, стр. 125.

ние о собрании граждан, может быть, следует видеть в выражении *gi-gag-unken-na*, букв. «тростниковый колышек собрания». Этот термин сам по себе представляет большой интерес и, очевидно, может быть сопоставлен с аккадским титулом *rabi sikkatim* «глава колышка», который носил председатель народного собрания²¹. Поскольку в тексте термин *gi-gag-unken-na* применяется к Энмеркару, можно предположить, что *эн* был также главой собрания. Доказать это предположение, однако, нет возможности — термин *gi-gag-unken-na* больше пока не засвидетельствован, кроме того, аккадский силлабрий для *rabi sikkatim* дает иной шумерийский эквивалент, а именно: *ki-maḥ-ad-gi₄-gi₄*, букв. «советник некропсля»²².

Приведенный краткий очерк, представляющий лишь предварительную попытку восстановить на основе материала двух шумерийских героико-эпических поэм характер государственного строя Шумера I раннединастического периода и связи Шумера с соседними странами, показывает, каким ценным историческим источником является историко-героический эпос Шумера. Более детальное изучение эпоса, несомненно, позволит извлечь из него гораздо больше сведений и не только для исследований в области государственного строя и сношений Шумера с другими странами, но также в области экономики, политической истории и культуры древнего Двуречья.

Ниже публикуется транскрипция, перевод и комментарий поэм «Энмеркар и верховный жрец Аратты» и «Гильгамеш и Ага». Впервые обе поэмы были изданы С. Н. Крамером²³. Перевод поэмы об Энмеркаре сделан был Р. Жестеном²⁴. Отдельные места обеих поэм исследованы Т. Якобсеном в уже упомянутой статье о раннем политическом развитии Месопотамии, а поэма о Гильгамеше также и в небольшом приложении к переводу С. Н. Крамера. Изучением поэмы «Энмеркар и верховный жрец Аратты» занимался также М. Ламбер²⁵. Кроме того, существуют довольно многочисленные рецензии на переводы С. Н. Крамера и Р. Жестена. Однако первые издания не исчерпали всех вопросов толкования этих трудных текстов.

Для облегчения понимания довольно запутанного содержания поэмы «Энмеркар и верховный жрец Аратты» текст разбит на отдельные главы. Перед каждой главой дается краткое изложение ее содержания. В комментарии приведены все расхождения между нашим чтением текста и предшествовавшими, а также грамматический анализ форм, понимаемых нами иначе, чем до сих пор.

II. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Шумерийский историко-героический эпос представляет ценный материал для исследований в области шумерийского языка. Особое значение эпоса для такого рода исследований объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, язык эпоса, относящийся к ранней ступени послешумерийского периода (приблизительно XX—XVIII вв. до н. э.), характеризуется более последовательным отражением грамматических показателей, чем язык предшествующих периодов. В настоящем очерке мы останавливаемся только на проблеме субъектно-объектного спряжения шумерийского глагола, пожалуй наиболее важной для правильного понимания текста, и поэтому в дальнейшем будем говорить только о показателях субъекта и прямого объекта в глаголе.

С самого начала следует отметить, что наиболее часто в текстах встречаются глагольные формы со следующими показателями субъекта и прямого объекта: -n- — по-

²¹ Дьяконов, Шумер, стр. 133.

²² BAW, 81, 15; следует отметить, что этот термин встречается только в силлабрии.

²³ S. N. Kramer, *Enmerkar and the Lord of Aratta*, Philadelphia, 1952; он же, *Gilgamesh and Agga*, AJA, LIII, 1949, 1, стр. 1—18.

²⁴ R. Jestin, *Le poème d'En-me-er-kar*, «Revue de l'histoire des religions», CLI, 1957, 2, стр. 145—220.

²⁵ M. Lambert, *Le jeu d'Enmerkar*, «Syria», XXXII, 1955, 3—4, стр. 212—221; он же, *Une énigme du roi d'Uruk Enmerkar*, RAss, L., 1956, 1, стр. 37—39.

казатель субъекта и прямого объекта 3 л. ед. ч. социально-активного класса, -b- — показатель субъекта и прямого объекта 3 л. ед. ч. социально-пассивного класса, -en — показатель субъекта и прямого объекта 1 и 2 л. ед. ч.

Почти полное отсутствие этих показателей в древние периоды А. Пёбель (GSG, § 485) объяснял фонетическими особенностями шумерийского языка. По его мнению, исчезновение -n- самым легким образом можно объяснить, предположив, что он не совсем исчезал, а давал назализацию соответствующего гласного. То же самое можно сказать относительно исчезновения конечного n в показателе -en, остающийся после этого гласный e при глагольном корне, оканчивающемся на гласный, как правило, поглощался этим гласным. Показатель -b- под влиянием соседнего губного часто переходил в -m- и затем также давал назализацию гласного.

Пока язык был разговорным, отмечать эти показатели не было необходимости, но с течением времени, когда шумерийский язык постепенно становился мертвым, возникла потребность фиксировать в письме все показатели.

К мнению А. Пёбеля о причине отсутствия показателей субъекта и прямого объекта в глаголе древних периодов присоединились С. Н. Крамер¹ и А. Фалькенштейн². Напротив, В. Кристиан объяснял отсутствие в ранних текстах показателей прямого объекта в глаголе тем, что они вообще в то время не существовали. По его мнению, необходимость отмечать их в глаголе появляется лишь в более позднее время, так как только более развитый язык испытывает необходимость в подчеркивании связи между глаголом и зависимыми от него частями предложения³.

Сомнения относительно обязательной постановки в глаголе показателей субъекта и прямого объекта в шумерийском языке древнего периода объясняются тем обстоятельством, что в ряде случаев действительно бывает трудно объяснить их отсутствие фонетически.

Однако утверждение В. Кристиана о позднем возникновении этих показателей вряд ли приемлемо, так как невозможно думать, что система субъектно-объектных показателей могла быть разработана лишь тогда, когда начался процесс вымирания шумерийского языка — в послешумерийский период. Правильным, очевидно, остается объяснение, предложенное А. Пёбелем, А. Фалькенштейном и С. Н. Крамером, а именно, что отсутствие этих показателей в более ранних текстах объясняется фонетическими явлениями.

Те случаи, когда отсутствие показателей субъекта и прямого объекта в глаголе нельзя объяснить фонетически, по-видимому, следует отнести за счет несовершенной графики древнего периода. Причину более полного отражения показателей в послешумерийский период, как и полагал А. Пёбель, по всей вероятности, следует искать в том обстоятельстве, что в этот период шумерийский язык перестает быть разговорным.

Изучение героического эпоса очень ценно для грамматических исследований также и потому, что в силу особенностей сюжета в нем встречаются грамматические формы, мало засвидетельствованные в других текстах, а именно формы 1 и 2 л. ед. и мн. ч., формы с префиксами пожелания ga- и ù-, повелительное наклонение или случаи, когда в роли субъекта выступает имя социально-пассивного класса. И, наконец, в эпических поэмах, хотя они и записаны в период, когда шумерийский язык перестал быть разговорным, сравнительно редко встречаются неправильные написания и еще быть разговорным, оказывая большую помощь в решении ряда спорных и лежащий героическим эпосом, оказывает большую помощь в решении ряда спорных и лежащих проблем шумерийской грамматики, в частности в области шумерийского глагола.

¹ S. N. Kramer, The Sumerian Prefix Forms be- and bi- in the Time of the Earlier Princes of Lagaš, Chicago, 1936, стр. 30.

² A. Falkenstein, Das Sumerische, «Handbuch der Orientalistik», I. Abt., II, 1, Leiden, 1959, § 29, прим. а.

³ V. Christian, Beiträge zur sumerischen Grammatik, Wien, 1957, стр. 19.

До сих пор, например, остается спорным вопрос о том, существовало ли в шумерийском языке формальное различие между переходными и непереходными глаголами. Одни исследователи — Р. Жестен⁴, Э. Сольберже⁵ и В. Кристиан⁶ — отрицают это различие, другие — А. Пёбель (GSG, § 447—485) и А. Фалькенштейн (GSGL, I, § 48—54) — признают его. Однако, признавая особый вид спряжения для непереходного глагола, А. Пёбель и А. Фалькенштейн расходятся в вопросе о том, сколько форм спряжения имел непереходный глагол. А. Пёбель⁷ полагал, что непереходный глагол, так же как и переходный, имел две формы спряжения, а именно: Praesens-Futurum и Praeteritum, которые на ранней ступени послешумерийского периода имели следующие парадигмы:

<i>Praesens-Futurum</i>		<i>Praeteritum</i>	
ед. ч.		ед. ч.	
1 л.	-ed-en	1 л.	-en
2 л.	-ed-en	2 л.	-en
3 л.	-ed-e	3 л.	—
мн. ч.		мн. ч.	
1 л.	-ed-enden	1 л.	-enden
2 л.	-ed-enzen	2 л.	-enzen
3 л.	-ed-ene	3 л.	-eš ⁸

А. Фалькенштейн, напротив, считает, что у непереходного глагола была только одна форма спряжения, способная выражать как завершённое, так и незавершённое действие, и дает для нее парадигму, аналогичную парадигме А. Пёбеля для Praeteritum непереходного глагола (GSGL, I, стр. 173).

В результате исследования текстов эпоса удалось установить, во-первых, что одна и та же форма непереходного глагола могла выражать как завершённое, так и незавершённое действие, и, следовательно, не было необходимости в существовании двух форм спряжения. Таким образом, материалы эпоса подтверждают теорию А. Фалькенштейна о наличии у непереходного глагола лишь одной формы спряжения. Так, в качестве примеров выражения незавершённого действия можно указать на следующие места рассматриваемых здесь текстов: É-an-na ug šu ba-ná-a (ELA, 265) «В Эанне, где лев на лапе лежит»; LI-du-ni... ba-dùg (ELA, 586) «ее песни... приятны»; gišná-nam-tar ba-ná (DG, A 68) «на ложе судьбы он лежит»⁹. Примеры завершённого действия: Unu(g)^{ki}-ga dí-ma-bi ba-suḥ (GA, 50) «Разум Урука смешался»; giš ba-gur₄ (GH, 39) «дерево выросло»; kur ba-sùḥ-sùḥ (GLL, 77) «страна пришла в смятение».

⁴ R. J e s t i n, Le verbe sumérien, déterminations verbales et infixes, «Études orientales», VII, P., 1943, стр. 87 сл.

⁵ E. S o l l b e r g e r, Le système verbal dans les inscriptions royales présargoniques de Lagaš, Genève, 1952, стр. 36 сл.

⁶ C h r i s t i a n, Beiträge..., стр. 14 сл.

⁷ A. P o e b e l, The Tenses of the Intransitive Verb in Sumerian, AJSL, 50, 1934, № 3, стр. 170.

⁸ В так называемый поздний послешумерийский период суффикс -ed-, по мнению А. Пёбеля, придающий глагольным формам значение Praesens-Futurum, утрачивает свое значение, исчезает, и, таким образом, Praesens-Futurum непереходного глагола полностью ассимилируется Praesens-Futurum переходного глагола. В Praeteritum происходит частичная ассимиляция — формы 3 л. ед. и мн. ч. получают инфикс -n- перед глагольным корнем.

⁹ Обращает на себя внимание тот факт, что в приведенных примерах глагольные формы стоят без суффикса -ed-, который, по мнению А. Пёбеля, придавал глагольной форме значение Praesens-Futurum.

Формальное различие между переходными и непереходными глаголами не ограничивалось, однако, только тем, что непереходный глагол имел в отличие от переходного только одну форму спряжения. Отличны друг от друга и парадигмы переходного и непереходного глаголов — в формах 3 л. ед. и мн. ч. В остальном же непереходный глагол имел те же формы, что и при субъектном спряжении в Praesens-Futurum. Следовательно, вопрос о формальном различии между переходными и непереходными глаголами в данном случае сводится к вопросу о формах 3 л. ед. и мн. ч.

Таким образом, материалы эпоса сравнительно ясно показывают, что переходный глагол в 3 л. ед. ч. окончания не принимал и что, следовательно, переходный глагол имел особый тип спряжения, отличный от спряжения переходного глагола.

Итак, вопрос о том, знал ли шумерийский язык формальное различие между переходными и непереходными глаголами, на материале героического эпоса решается положительно. Вследствие этого не подтверждается выдвигаемое Р. Жестеном, Э. Сольберже и В. Кристианом положение о наличии в шумерийском языке только двух форм спряжения, общих и для переходных и непереходных глаголов. Р. Жестен, Э. Сольберже и В. Кристиан были правы только в том отношении, что один и тот же глагольный корень мог выступать как в переходном, так и в непереходном значении. Однако они не учитывали, что глагол при этом будет иметь разные формы, например *ša ba-sig* (GLL, 23) «сердце разбито», но *mu-ni-ib-sig-sig-ge-ne* (GA, 82) «они его бьют», или *ag-eš-àm* (GA, 32) «великие боги части (храма) сделали» или еще *[m]u(?)-nam-lú-gal-LU ba-gar-ra-a-ba* (GH, 9) «после того как название людей было установлено», но *inim ba-an-gar* (GA, 4) «слово он положил».

В работе, посвященной проблеме времен в непереходном глаголе, А. Пёбель, исследуя спряжение непереходного глагола на протяжении всей истории развития шумерийского языка, пришел к выводу, что на ранней ступени послешумерийского периода непереходные глаголы начинают спрягаться по переходному типу¹². На отдельные случаи такого перехода указывал также А. Фалькенштейн. «В послешумерийский пе-

¹⁰ Формы непереходного глагола 3 л. мн. ч. с окончанием -е не засвидетельствованы; относительно форм с суффиксом -е см. ниже.

¹¹ Глагольную форму *al-bir-re* можно формально рассматривать и как форму 3 л. ед. ч. *Praesens-Futurum* переходного глагола. Однако против такого предположения говорит то обстоятельство, что, судя по контексту, глагол должен быть непереходным, и, кроме того, префикс *al-*, как правило, стоит при непереходных глаголах.

¹² Poebel, The Tenses of the Intransitive Verb..., стр. 168 сл.

риод, — говорил он, — а в некоторых случаях в новошумерийский возможен переход непереходных образований в парадигму переходных»¹³.

Поскольку героический эпос, как мы уже говорили, относится именно к этому периоду, мы попытались проследить это явление на его материале. В результате оказалось, что рассматриваемые эпические тексты подтверждают положение, выдвинутое А. Пёбелем и А. Фалькенштейном, только отчасти: действительно, ряд непереходных глаголов в текстах героического эпоса спрягается по переходному типу, сохраняя при этом непереходное значение. Однако существенно отметить, что в исследуемых нами текстах¹⁴ во всех случаях речь идет только о глаголах движения, что до сих пор не было отмечено.

Как и все глаголы в шумерийском языке, глаголы движения по значению могут быть переходными и непереходными. Глаголы движения с переходным значением обладают всеми особенностями переходных глаголов, поэтому мы не будем на них останавливаться. Гораздо больший интерес представляют глаголы движения с непереходным значением. По типу спряжения эти глаголы можно разделить на три группы. Первая группа — глаголы, которые в наших текстах засвидетельствованы только в непереходных формах: *u₃* «отправляться в путь», *ùr* «входить», *sùg* «входить, приходить». Вторая группа — глаголы, которые засвидетельствованы как в переходных, так и в непереходных формах: *du* «идти», *te* «приближаться», *gi₄* «возвращаться», *gur* «поворачиваться, возвращаться», *è* «выходить». Третья группа — глаголы, которые встречаются только в переходных формах: *zi* «подниматься, вставать», *e₁₁* «выходить, сходить, восходить», *tu* «входить», *ús* «следовать», *ka_g* «спасаться бегством»¹⁵.

Интересно отметить, что в ряде случаев глагольные формы третьей группы перед корнем имеют показатель *-n-*. Этот показатель только в некоторых случаях можно принять за сокращенную форму локативного префикса *-ni-* или префикса дательного падежа *-na-*. Для трех случаев это предположение отпадает, так как в глагольных формах *-ni-* и *-n-* стоят одновременно, например *kur-ra hu-mu-ra-ni-in-tu-ra-àm*¹⁶ (GLL, 136) «в гору к тебе пусть я войду!» или *kiri₆-gi-[rin-kug]-^dInanna-šè im-ma-ni-in-tu-re-en* (GH, 34) «в сад Гирина к светлой Инанне ты войдешь», а для глагольной формы *i-in-tu-tu-dè-en* «ты войдешь» (GLL, 9) вариант дает написание *i-ni-in-tu-tu-dè-en*. Поэтому не исключена возможность, что мы имеем дело не с сокращенными формами локативного и дательного префиксов, а с показателем казуатива, который позволял указанным глаголам спрягаться по переходному типу.

Переход некоторых глаголов движения к спряжению по переходному типу, может быть, следует объяснить влиянием аккадского языка, в котором глаголы движения, как правило, управляют винительным падежом, например *alāku* «ходить». Это тем более вероятно, что в предшествующие периоды подобное явление, по-видимому, не наблюдается, и в послешумерийский период мы, очевидно, застаем его в процессе развития (группа глаголов может спрягаться как по переходному, так и по непереходному типу). Однако переход непереходных глаголов к спряжению по переходному типу наблюдается в наших текстах только в отношении глаголов движения, поэтому предположение А. Пёбеля об общей тенденции в послешумерийский период непереходных глаголов к спряжению по переходному типу не подтверждается — остальные непереходные глаголы твердо сохраняют свой особый тип спряжения.

¹³ A. Falkenstein, рец. на R. Jestin, *Le verbe sumérien*, BO, VI, 1949, № 2, стр. 55, прим. 12.

¹⁴ Т. е. в поэмах «Гильгамеш и Ага», «Гильгамеш и гора бессмертных», «Гильгамеш и ива», «Смерть Гильгамеша», «Энмеркар и верховный жрец Аратты».

¹⁵ Следует иметь в виду, что предложенное здесь деление глаголов движения основано только на материале рассматриваемых нами текстов. Вполне возможно, что в других текстах все глаголы движения могли спрягаться и по переходному и по непереходному типу.

¹⁶ *-àm*, очевидно, ошибочное написание вместо *-en*, *hu-mu-ra-ni-in-tu-ra-àm* < **hu-mu-ra-ni-n-tur-en*.

Относительно спряжения переходных глаголов материалы героического эпоса подтверждают теорию А. Пёбеля и А. Фалькенштейна. Во-первых, переходный глагол имеет здесь две формы спряжения — Praesens-Futurum и Praeteritum. Парадигмы субъектного спряжения, составленные на основе эпоса, целиком совпали с парадигмами А. Пёбеля и А. Фалькенштейна. Во-вторых, в переходном глаголе могли отмечаться как субъект, так и прямой объект. Таким образом, мнение Р. Жестена, Э. Сольберже и В. Кристиана о том, что в глаголе отмечался главным образом прямой объект, рассматриваемыми текстами не подтверждается.

Материалы эпических текстов оказали большую помощь в разрешении трудного вопроса о показателях прямого объекта у переходного глагола. А. Пёбель установил показатели прямого объекта только для Praeteritum (GSG, § 517—520). Предлагаемые им показатели совпадают по форме с показателями субъекта непереходного глагола и присоединяются к глагольному корню в виде суффиксов. Вопрос о том, отмечался ли прямой объект в форме 3 л. мн. ч. Praeteritum и во всех формах Praesens-Futurum, он оставил нерешенным. Оговорка относительно показателя прямого объекта для 3 л. мн. ч. Praeteritum объясняется тем обстоятельством, что в этой форме, в противоположность всем остальным, показатель субъекта стоял после глагольного корня и, таким образом, для показателя прямого объекта не было места. По этой причине А. Пёбель, по-видимому, оставил открытым вопрос о показателях прямого объекта в Praesens-Futurum. В инфиксах -n- и -b-, стоящих в формах Praesens-Futurum непосредственно перед глагольным корнем, он видел показатели каузатива. А. Фалькенштейн, рассматривая вопрос о показателях прямого объекта в переходном глаголе, не делал различия между показателями в Praeteritum и Praesens-Futurum, а давал общие для обеих форм показатели:

ед. число		мн. число
1 л.	-en	1 л. -enden
2 л.	-en	2 л. -enzen
3 л. соц.-акт.	-n-	3 л. -eš ¹⁷
4 л. соц.-пас.	-b-	

При этом он отмечал, что показатели прямого объекта 1 и 2 л. ед. ч. и 1, 2, 3 л. мн. ч. засвидетельствованы только в Praeteritum. В Praesens-Futurum, кроме как в форме 3 л. ед. ч., по его мнению, эти показатели не употреблялись, иначе появились бы громоздкие образования типа i-R-enden-enzen, i-R-enden-en и т. д.

Префиксы -n- и -b-, по его мнению, могли отмечать прямой объект как в Praeteritum, так и в Praesens-Futurum, причем в Praeteritum при столкновении показателя прямого объекта -b- с показателем субъекта -n- побеждал более сильный -b-. О -n- и -b- как показателях каузатива он ничего не говорит.

Относительно показателей прямого объекта материалы эпоса дали возможность установить следующее: показатели прямого объекта в Praeteritum, как и полагал А. Пёбель, совпадали с показателями субъекта состояния непереходного глагола. Это совпадение вполне понятно, если учесть, что субъект состояния непереходного глагола при переходном глаголе представляет собой ничто иное, как прямой объект. То, что показателями прямого объекта в Praeteritum служили показатели субъекта состояния непереходного глагола, а не почти полностью совпадающие с ними показатели субъекта Praesens-Futurum переходного глагола, подтверждается тем фактом, что в формах Praeteritum показателями прямого объекта никогда не бывают суффиксы субъекта Praesens-Futurum -e и -ene. Формы с этими суффиксами характерны только для Praesens-Futurum. Кроме того, только с этой точки зрения можно объяснить то обстоятельство, почему в форме 3 л. мн. ч. Praeteritum -n-...eš может быть не только показателем множественного субъекта, но и показателем субъекта 3 л. ед. ч. социально активного класса -n- и прямого объекта 3 л. мн. ч. -eš.

¹⁷ Falkenstein, GSGL, I, § 64.

Большую трудность вызывает вопрос о показателе прямого объекта 3 л. ед. ч. в *Praeteritum*, так как, во-первых, в непереходном глаголе в этой форме нет субъектно-го показателя, а во-вторых, в *Praeteritum* шумерийцы различали 3 л. ед. ч. социально-активного класса и 3 л. ед. ч. социально-пассивного класса. Примеры для *Praeteritum* с прямым объектом 3 л. ед. ч., засвидетельствованные в героико-эпических текстах, дают возможность предположить, что, по всей вероятности, в качестве показателей прямого объекта шумерийцы использовали в таком случае для имен социально-активного класса тот же самый показатель, что и для субъекта этого же лица и класса, а именно — инфикс *-n-*, а для имен социально-пассивного класса соответственно инфикс *-b-*.

Несколько труднее обстоит дело с показателями прямого объекта в *Praesens-Futurum*. Трудность состоит в том, что для *Praesens-Futurum* засвидетельствованы главным образом формы с прямым объектом 3 л. ед. ч. социально-активного и социально-пассивного классов, а одних этих форм оказывается слишком мало для того, чтобы можно было сделать вывод об общем принципе системы объектных показателей в *Praesens-Futurum*.

Кроме форм с прямым объектом 3 л. ед. ч. социально-активного и социально-пассивного классов, в текстах героического эпоса для *Praesens-Futurum* засвидетельствован один пример с прямым объектом 1 л. ед. ч. и три примера с прямым объектом 3 л. мн. ч.: 1) *ù m̃a-e ħur-gim nam-ba-ag-e* (GLL, 27) «И со мной также будет?» (букв. «и меня точно так сделают?»); 2) *kur-kur ... mu-un¹⁸-tuk₄-tuk₄-e* (ELA, 546) «Горы он заставляет дрожать»; 3) *guškin k[ù-b]abbar sù-du-am-bi^d Inanna nin-Ē-an-na-ra ... ħu-mu-un¹⁹-dub-dub-bu-* (ELA, 484—486) «Золото, серебро и драгоценные камни для Ианны, госпожи Эанны... пусть сыпятся!»; 4) *zag-du₈-zag-du₈-bi urī ħa-ma-mul-e* (ELA, 133) «Его (святынища) пороги пусть сделают для меня светлыми!».

В приведенных примерах глагольные формы не имеют показателей прямого объекта. Однако несмотря на то что на основе этих примеров мы не можем установить показатели прямого объекта для 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., они важны для нас тем, что не дают также и предполагаемых А. Фалькенштейном для этих лиц показателей *-en* и *-eš* и, таким образом, не подтверждают теорию А. Фалькенштейна. Подтверждается скорее другое предположение А. Фалькенштейна, что в *Praesens-Futurum* формы с предполагаемыми им показателями прямого объекта были крайне редкими.

Значительную помощь в решении вопроса о показателях прямого объекта в *Praesens-Futurum* оказали формы переходных глаголов с префиксом *ga-*. Эти формы оказались возможным привлечь на помощь в силу следующих обстоятельств. Во-первых, формы с пожелательным префиксом *ga-* по своему значению очень близки к *Praesens-Futurum*. Во-вторых, и те и другие в качестве показателя прямого объекта 3 л. ед. ч. социально-активного класса использовали инфикс *-n-*, а для социально-пассивного класса — инфикс *-b-*. Поэтому можно предположить, что показатели прямого объекта совпадали у них и в остальных лицах. Поскольку в текстах героического эпоса засвидетельствована форма с префиксом *ga-* с прямым объектом 2 л. ед. ч., в которой роль показателя прямого объекта выполняет инфикс *-e-*, т. е. показатель субъекта 2 л. ед. ч. *Praeteritum*, возможно, что этот инфикс был показателем прямого объекта 2 л. ед. ч. и в формах *Praesens-Futurum*. Таким образом, в результате исследования текстов героического эпоса удалось выяснить, что показателями прямого объекта в *Praesens-Futurum* во 2 и 3 л. ед. ч. были инфиксы *-e-*, *-n-* и *-b-*, совпадающие с соответствующими показателями субъекта в *Praeteritum*. А если показатели прямого объекта во 2 и 3 л. ед. ч. *Praesens-Futurum* совпадали с соответствующими показателями субъекта *Praeteritum*, то можно предположить, что вообще роль показателей прямого объекта в *Praesens-Futurum* играли показатели субъекта *Praeteritum*.

¹⁸ Инфикс *-n-*, скорее всего, представляет собой сокращенную форму локативного префикса *-ni-* или префикса дательного падежа *-na-*. Подобное явление в текстах эпоса встречается довольно часто.

¹⁹ Инфикс *-n-* < *-na-*, так как в предложении стоит *nin-Ē-an-na-ra*.

Таким образом, в результате исследования текстов шумерийского героического эпоса удалось установить: во-первых, что шумерийский глагол знал формальное различие между переходными и непереходными глаголами. Во-вторых, что непереходный глагол имел только одну форму спряжения, которая могла выражать как завершенное, так и незавершенное действие. Парадигма, составленная на основе текстов эпоса, полностью совпадает с парадигмой А. Фалькенштейна для непереходного глагола и с парадигмой А. Пёбеля для Praeteritum (Permansivum) непереходного глагола. В-третьих, что на ранней ступени послешумерийского периода из непереходных глаголов по переходному типу спрягаются только глаголы движения. Общей тенденции непереходных глаголов к спряжению по переходному типу не обнаруживается. В-четвертых, что у переходного глагола спряжение могло быть как чисто субъектным, когда в глаголе отражен только субъект, так и субъектно-объектным, когда в нем находил отражение и субъект, и прямой объект. В-пятых, парадигмы субъектного спряжения шумерийского переходного глагола, составленные на материале эпоса, полностью совпали

²⁰ В предшествующие периоды, в частности, в текстах Гудеа, при таком столкновении чаще всего сохранялся показатель прямого объекта -b- — см. F a l k e n s t e i n, GSGL, I, стр. 197.

с парадигмами А. Пёбеля и А. Фалькенштейна. В-шестых, парадигмы субъектно-объектного спряжения глагола показали, что в Praeteritum роль показателей прямого объекта выполняли показатели субъекта состояния непереходного глагола и инфиксы -n- и -b- (показатели субъекта 3 л. ед. ч. Praeteritum). В Praesens-Futurum прямой объект отмечался с помощью показателей субъекта Praeteritum. В-седьмых, в послесумерийский период начинается переход от субъектно-объектного спряжения к чисто субъектному.

ГИЛЬГАМЕШ И АГА

Транскрипция

- 1 lú-kin-gi₄-a-Ag-ga¹-dumu-En-me-bára-gi₄-e-si-ke₄
- 2 Kiš₄ki^{ki}-ta ^dGilgameš-ra² Unu^{ki}-šè mu-un-ši-súg-eš
- 3 ^dGilgameš igi-ab-ba-uru³-na-ka⁴
- 4 inim ba-an-gar inim i-kin-kin-e
- 5 pú til-li-da pú-pú⁵-kalam⁶ til-til-li-da
- 6 pú-níg-bàn-da-kalam til-til-li-da
- 7 pú buru-da ešè-lá til-til-li-da
- 8 é-Kiš₄ki^{ki}-šè gú nam-ba-gá-gá-an-dè-en⁷ giš^{giš}tukul ga-àm-ma-sig-ge-en-dè-en⁸
- 9 unken-gar-ra-ab-ba-uru-na-ka⁹
- 10 ^dGilgameš-ra¹⁰ mu-na-ni-ib-gi₄-gi₄
- 11 pú til-li-da pú-pú¹¹-kalam til¹²-li-da
- 12 pú-níg-bàn-da-kalam til-li-da
- 13 pú buru-da ešè-lá til-til-til-li-da
- 14 é-Kiš₄ki^{ki}-šè gú ga-àm-gá-gá-an-dè-en¹³ giš^{giš}tukul nam-ba-sig-ge-en-dè-en¹⁴
- 15 ^dGilgameš en-Kul-aba^{ki}-a-ke₄
- 16 ^dInanna-ra nir-gál-la-e
- 17 inim-ab-ba-uru¹⁵-na-ke₄ šà-šè nu-um-bu
- 18 mìn-kam-ma-šè ^dGilgameš-en-Kul-aba^{ki}-a-ke₄
- 19 igi-guruš-uru-na-ke₄ inim ba-an-gar inim i-kin-kin-e¹⁶
- 20 pú til-li-da pú¹⁷-pú-kalam til¹⁸-li-da
- 21 pú-níg-bàn-da-kalam til-til-li-da
- 22 pú buru-da ešè-lá til-til-li-da

¹ Вариант С дает А-ка вместо Ag-ga.

² С опускает -га.

³ Варианты С и Е добавляют детерминатив ki.

⁴ С: -šè вместо -ка.

⁵ А опускает одно pú.

⁶ С добавляет -ма после -kalam.

⁷ Вариант А вставляет -ан- после -ба-, в С глагол читается nam-ba-an-gar-re-en-dè-en.

⁸ С: nam-ba-an-sig-ge-en-dè-en.

⁹ А: -ke₄ вместо -ка.

¹⁰ Вариант С опускает -га.

¹¹ А опускает pú.

¹² А и С добавляют til.

¹³ А: nam-ba-gá-gá-an-dè-en.

¹⁴ А: ga-àm-ma-sig-ge-en-dè-en.

¹⁵ G добавляет детерминатив ki.

¹⁶ В G строки 18—19 читаются следующим образом: mìn-kam-ma-šè ^dGilgameš igi-guruš-[uru-na-ke₄] inim ba-an-gar inim i-kin-[kin]-e.

¹⁷ G опускает pú.

¹⁸ G добавляет til.

- ²³ é-Kiši^{ki}-šè-gú nam-ba-an-gar-re-en-ze-en ^{giš}tukul ga-àm-ma-sig-ge-en-dè-en ¹⁹
²⁴ unken-gar-ra-guruš-uru^{ki}-na-ka ^dGilgameš mu-un-na-ni-ib-gi₄-gi₄
²⁵ gub-gub-bu-ne tuš-tuš-ù-ne
²⁶ dumu-lugal-la-da-ri-e-ne
²⁷ ḥas-anšu-díb-díb²⁰-bé-ne
²⁸ a-ba zi-bi mu-un-tuku-e-še
²⁹ é-Kiši^{ki}-a gú nam-ba-an-gar-re-en-ze-en ^{giš}tukul nam-ba-sig-ge-dè-en ²¹
³⁰ Unu^{ki}-giš-kin-ti-dingir-re-e-ne-ke₄²²
³¹ é-an-na é-an-ta-e₁₁-dè
³² dingir-gal-gal-e-ne me-dím-bi ba-an-ag-eš-àm
³³ bàd-gal-IM-dugud-ki-ús-sa-a-ba ²³
³⁴ ki-tuš-maḥ-An-ni-gar-ra-a-ba ²⁴
³⁵ sag mu-e-sum za-e lugal-ur-sag-me-en ²⁵
³⁶ sag-lum-lum nun-An-ni-ki-ág
³⁷ DU-a-ni-ta a-gim ní ba-an-te
³⁸ erén-bi al-tur a-ga-bi-ta al-bir-re
³⁹ lú-bi-ne igi nu-mu²⁶-da-ru(!)-gú-uš
⁴⁰ u₄-bi-a ^dGilgameš-en-Kul-aba^{ki}-ke₄
⁴¹ in[im]-guruš-uru-na-šè šà-ga-ni an-ḥú₁ ²⁷ ḥar-ra-ni ba-an-zalag
⁴² èrí-da-ni En-ki-du₁₀-ra gù mu-na-dé-e
⁴³ NE-šè ^{giš}šu-kará á-mé ²⁸ sa ḥé-im-mi-gi₄
⁴⁴ ^{giš}tukul-mé á-zu-šè ²⁹ ḥé-im-mi-gi₄³⁰
⁴⁵ ní-gal me-lám-ma ḥé-im-dím-dím-e ³¹
⁴⁶ e-ne DU-a-ni-ta ní-gal-mu ḥé-ib-šú
⁴⁷ dím-ma-ni ḥé-suḥ galga-a-ni ḥé-bir-re
⁴⁸ u₄-nu-iá-àm u₄-nu-u-àm
⁴⁹ Ag-ga-dumu-En-me-bára-gi₄-e-si Unu^{ki} zag-ga ba-an-díb-bé-eš
⁵⁰ Unu^{ki}-ga dím-ma-bi ba-suḥ
⁵¹ ^dGilgameš-en-Kul-aba^{ki}-ke₄
⁵² ur-sag-bi-ne-er gù mu-na-dé-e
⁵³ ur-sag-mu-ne igi mu-un-MÚŠ-MÚŠ-ù-ne
⁵⁴ šà-tuku é-en-zi-zi-i Ag-ga-šè ga-am-ši-DU
⁵⁵ Bir-ḥur-tur-ra lú-sag-lugal-a-ni
⁵⁶ lugal-a-ni-ir ³² zà-mi mu ³³ na-ab-bé
⁵⁷ mà-e Ag-ga-šè ga-àm-³⁴ši-DU
⁵⁸ dím-ma-ni ḥé-suḥ galga-a-ni ḥé-bir-re
⁵⁹ Bir-ḥur-tur-re ³⁵ ká-gal-la ba-ra-è

¹⁹ Вариант Н: nam-ba-sig-ge-en-ze-en, в G глагол начинается с nam-ba-an-sig-.

²⁰ Вариант Н дает -RI-RI- вместо -díb-díb-.

²¹ Н вставляет -en- перед -dè-en.

²² Н опускает -ke₄.

²³ В G строка читается bàd-gal-bàd-An-ni-ki-ús-sa.

²⁴ G и Н: -ni вместо -a-ba.

²⁵ G и Н дают -bi вместо -me-en.

²⁶ А вставляет -un-.

²⁷ Вариант А опускает šà-ga-ni an-ḥú₁.

²⁸ Вариант А: -mé(!).

²⁹ А опускает -šè.

³⁰ В варианте А глагол, по-видимому, читается ḥé-im-zu(?) . . .

³¹ В варианте G глагол, возможно, читается ḥé-d[im](?)-dím(?)-[e].

³² С опускает -ir.

³³ С вставляет -un-.

³⁴ С дает -an- вместо -àm-.

³⁵ С дает -ra вместо -re.

- 60 Bir-ḥur-tur-re ³⁶ ká-gal-la è-da-ni
 61 ká-ká-gal ³⁷-ka mu-ni-in-díb-bé-eš ³⁸
 62 Bir-ḥur-tur-re ³⁹ uzu-du-ni mu-ni-in-gum-gum-ne
 63 igi-Ag-ga-šè mu-ni-in-te
 64 Ag-ga-šè gù mu-na-dé-e
 65 inim-ma-ni nu-un-ti Zabbar-[dīb-Unu(g)^{ki}]-ga-ke₄ bàd-šè im-me(?)₁₁-dè
 66 bàd-da gú-na im-ma-an-lá
 67 Ag-ga igi im-ma-ni-in-du₈
 68 Bir-ḥur-tur-re gù mu-na-dé-e
 69 èri LÚ.ŠE lugal-zu-ù
 70 LÚ.ŠE lugal-mu-in-nu
 71 LÚ.ŠE lugal-mu hé-me-a
 72 sag-ki-gir-a-ni hé-me-a
 73 igi-gir-ma-ka-a-ni hé-me-a
 74 su₆^{na} za-gin-na-ka-a-ni hé-me-a
 75 šu-si-ša₆-ga-ni hé-me-a
 76 šár-ra la-ba-an-šub-bu-uš šár-ra la-ba-an-zi-ge-eš
 77 šár-ra saḥar-ra la-ba-an-da-šár-re-eš
 78 kur-kur dù-a-bi la-ba-an-da⁴⁰-šú-a
 79 ka-ma-da-ka(!?) saḥar-ra la-ba-da-an-si
 80 si-gi^šmá-gur₈-ra(?) la-ba-ra-an-kud
 81 Ag-ga-lugal-Kiši^{ki}-a šag₄-erén-na-ka-ni LÚ + KÁR-a la-ba-ni-in-ag ⁴¹
 82 mu-ni-ib-ra-ra-ne mu-ni-ib-sig-sig-ge-ne
 83 Bir-ḥur-tur-re uzu-du-ni mu-ni-in-gum-gum-ne
 84 eger-Zabbar-[dīb-Unu(g)^{ki}]-ga-ke₄ ^dGilgameš bàd-šè im-?-e₁₁-dè
 85 ab-ba-du₁₃-du₁₃-lá⁴²-Kul-aba^{ki}-ke₄ me-lám bí-ib-šú-šú
 86 guruš-Unu(g)^{ki}-ga-ke₄ giš tukul-mé á ⁴³-ne-ne bí-in-díb
 87 gišig-ká-gal-la-ka ⁴⁴ sila-ba bí-in-gub
 88 En-ki-du₁₀ ká-gal-la⁴⁵-aš ba-ra-è
 89 ^dGilgameš bàd-da gú-na ⁴⁶ im-ma-an-lá
 90 Ag-ga igi ba(!)-ni-in-du₈⁴⁷
 91 èri LÚ.ŠE lugal-zu-ù
 92 LÚ.ŠE lugal-mu i-me-a ⁴⁸
 93 bí-in-du₁₁-ga-gim-nam
 94 šár-ra ba-an-šub-bu-uš ⁴⁹ šár-ra ba-an-zi-ge-eš ⁵⁰
 95 šár-ra saḥar-ra ba-an-da-šár-re-eš ⁵¹

³⁶ С и I дают -га вместо -ге.

³⁷ Вариант С вставляет -la-.

³⁸ С дает mu-un- вместо mu-ni-in-.

³⁹ I дает -га вместо -ге.

⁴⁰ Вариант Е, по-видимому, дает -da-an- вместо -an-da-.

⁴¹ Вариант Е, очевидно, дает i-ni-in-ag вместо la-ba-ni-in-ag.

⁴² Вариант J опускает -lá- перед -kul-; А вставляет -а- перед -ke₄.

⁴³ Вариант А дает šu- вместо á-.

⁴⁴ А: -ke₄ вместо -ka.

⁴⁵ А опускает -la.

⁴⁶ Вариант А опускает -па.

⁴⁷ В вариантах А и В строка читается igi-bar-ri-da-ni Ag-ga igi bí-in-du₈.

⁴⁸ Также в вариантах А и В; J опускает i-me-a.

⁴⁹ А добавляет -а; В добавляет -àm.

⁵⁰ В варианте А второй глагол читается ba-an-šár-re-eš-a.

⁵¹ Вариант А дает еще один -šár-. А и В добавляют -àm.

- 96 kur-kur dù-a-bi ba-an-da-šú⁵²
 97 ka-ma-da-ka saḥar-ra⁵³ ba-da-an-si
 98 si-gi⁵⁴má-gur₈-ra-ke₄⁵⁴ ba-ra-an-kud⁵⁵
 99 Ag-ga-lugal-Kiši^{ki}-a⁵⁶ šag₄-erén-na-ka-ni LÚ + KÁR-a ba-ni-in-ag⁵⁷
 100 ^dGilgameš-en-Kul-aba^{ki}-ke₄
 101 Ag-ga-a⁵⁸ gù mu-na-dé-e⁵⁹
 102 Ag-ga-a ugula-a-mu Ag-ga-a nu-bànda-mu⁶⁰
 103 Ag-ga šakana-erén-na-a-mu
 104 Ag-ga mušen-kar-ra še bí-ib-si-si⁶¹
 105 Ag-ga zi ma-an⁶²-sum Ag-ga nam-ti ma-an⁶³-sum
 106 Ag-ga lú-kar-ra úr-ra bí-in-túm-mu
 107 Unu^{ki}-giš-kin-ti-dingir-re-e-ne-ke₄
 108 bàd-gal bàd-An ni-ki-ús-sa⁶⁴
 109 ki-tuš-mah-An-ni-gar-ra-ni
 110 sag mu-sum za-e lugal-ur-sag-bi⁶⁵
 111 sag-lum-lum nun-An-ni-ki-ág
 112 Ag-ga-Kiši^{ki}-še šu ba-ni-in-bar⁶⁶
 113 igi-^dUtu-še šu-u₄-bi-ta e-ra-an-gi₄⁶⁷
 114 ^dGilgameš-en-Kul-aba^{ki}-ke₄⁶⁸
 115 zà-mí-zu du₁₀-ga-àm.

Перевод

- 1 Послы Аги, сына Энмебарагеси,
 2 из Киша¹ к Гильгамешу в Урук явились.
 3 Гильгамеш перед старейшинами своего города
 4 слово сказал, речь держит²:
 5 «Чтобы завершить колодцы, чтобы завершить все колодцы страны,
 6 чтобы завершить колодцы и черпаки страны,
 7 чтобы углубить колодцы, чтобы прикрепить веревки,
 8 дому Киша пусть мы не покоримся, оружи(ем) да поразим!».
 9 Собрание старейшин его города

⁵² А добавляет -àm.

⁵³ В опускает -га.

⁵⁴ В дает -ni вместо -ke₄.

⁵⁵ Вариант F дает -ni-in- вместо -га-an-.

⁵⁶ В добавляет -ke₄.

⁵⁷ Между строками 99 и 100 вариант В вставляет строки, которые читаются
 -Unu^{ki}-ga-ke₄ erén-bi. . .

⁵⁸ В дает -aš вместо -a.

⁵⁹ В варианте В глагол, по-видимому, читается sá mu-na-ni-ib-bé.

⁶⁰ Вариант В между строками 102 и 103 вставляет строку, которая, очевидно, читается

Ag-ga ensi-mu Ag-ga šak[ana]-mu.

⁶¹ Строки 104, 105 и 106 в варианте В расположены следующим образом: 105, 106, 104.

⁶² В дает mu-e- вместо ma-an-.

⁶³ В дает mu-e- вместо ma-an-.

⁶⁴ В варианте В строка, по-видимому, читается [bàd]-gal-IM-dugud-ki-ús-sa-[a-ba].

⁶⁵ В варианте В вторая половина строки начинается с знака šu.

⁶⁶ А дает -ba вместо -bar; строки 112 и 113 идут в обратном порядке.

⁶⁷ Так же в варианте J, в варианте В вся строка опущена.

⁶⁸ Вариант А вставляет -a- перед -ke₄.

¹ Киш — город на севере Двуречья, центр объединения I династии Киша, к которой относился Ага.

² Букв. «слово положил, речь делает».

- 10 Гильгамешу отвечает:
 11 «Чтобы завершить колодцы, чтобы завершить все колодцы страны,
 12 чтобы завершить колодцы и черпаки страны,
 13 чтобы углубить колодцы, чтобы прикрепить веревки,
 14 дому Киша пусть мы покоримся, оружие(м) не поразим!».
 15 Гильгамеш, верховный жрец Кулаба ³,
 16 совершающий геройские подвиги для Инанны ⁴,
 17 слова старейшин своего города к сердцу не принял.
 18 Во второй раз Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,
 19 перед гражданами ⁵ своего города слово сказал, речь держит:
 20 «Чтобы завершить колодцы, чтобы завершить все колодцы страны,
 21 чтобы завершить колодцы и черпаки страны,
 22 чтобы углубить колодцы, чтобы прикрепить веревки,
 23 дому Киша не покоряйтесь, оружие(м) да поразим!».
 24 Собрание граждан его города Гильгамешу отвечает:
 25 «О, стоящие, о, сидящие,
 26 вместе с сыном военного вождя сражающиеся,
 27 сжимающие бока ослов,
 28 (все), кто имеет для этого силу ⁶,
 29 дому Киша не покоряйтесь, оружие(м) да(!) поразим!
 30 Урук, создание богов великих,
 31 Эанну ⁷, храм, спустившийся с неба,
 32 части которого сделали великие боги,
 33 великую стену, касающуюся тучи,
 34 величественный покой, установленный Аном ⁸,
 35 ты охранял, ты — военный вождь, герой.
 36 Завоеватель ⁹, государь, возлюбленный Аном,
 37 появления (Аги) как он может испугаться?
 38 Войско их мало, задние ряды его должны рассеяться.
 39 Эти люди не подумали (?)».
 40 Тогда у Гильгамеша, верховного жреца Кулаба,
 41 от [сл]ов граждан города его сердце возвеселилось и печень просветлела.
 42 Своему слуге ¹⁰ Энкиду он говорит:
 43 «Теперь мотыгу (?) ¹¹ сила битвы пусть заменит,
 44 оружие битвы на бок твой пусть вернется,
 45 блеск славы пусть оно создает!
 46 Его (Агу), когда он выйдет, мой блеск пусть покроет,
 47 разум его пусть смешается, рассудок свой пусть он утратит!».
 48 Не прошло пяти дней, не прошло десяти дней
 49 (воины) Аги, сына Энмебарагеси, Урук окружили.
 50 Разум Урука смешался.
 51 Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,
 52 своим героям говорит:

³ Кулаба — часть города Урука.

⁴ Инанна — шумерийская богиня любви и плодородия, центром ее почитания был город Урук.

⁵ В тексте *guruš*.

⁶ Букв. «кто дыхание это имеет».

⁷ Эанна — храм богини Инанны в Уруке.

⁸ Ан — шумерийский бог неба.

⁹ Букв. «склоняющий головы (?)».

¹⁰ В тексте стоит *ēgi*. Этот термин, в более поздние времена обозначающий раба, в эпосе, как правило, классового значения не имеет.

¹¹ В тексте *giš šu-kaḡa* «какой-то сельскохозяйственный инструмент».

- 53 «Мои герои хмурятся (?),
54 храбрый пусть встанет, к Аге я пошлю (его)!».
55 Бирхуртур, главный слуга своего господина,
56 своему господину хвалу произносит:
57 «Я к Аге пойду,
58 разум его пусть смешается, рассудок свой пусть он утратит!».
59 Бирхуртур через городские ворота выходит.
60 Как только Бирхуртур через городские ворота вышел,
61 у выхода из городских ворот они схватили его.
62 Тело Бирхуртура истязают.
63 К Аге он приблизился,
64 Аге говорит.
65 Речь свою он еще не окончил, а Забар[дибунуга] на стену поднимается,
66 через стену посмотрел.
67 Ага его там увидел,
68 Бирхуртуру говорит:
69 «Слуга, (этот) муж — твой господин?».
70 «(Этот) муж — не мой господин.
71 (Но) воистину мой господин — муж,
72 воистину у него гневное лицо,
73 воистину у него сверкающие глаза,
74 воистину у него лазуритовая борода,
75 воистину у него милостивые руки!».
76 Толпу он (Забардибунуга) не поверг, толпу не поднял,
77 толпу с пылью он не смешал,
78 все чужие страны он не сокрушил,
79 в уста страны пыль не насыпал,
80 нос лодки *магур* не отрезал,
81 Агу, правителя Киша, (в) середине его войска в плен не взял.
82 Они бьют его, они истязают,
83 плоть Бирхуртура рвут.
84 После Забар[дибунуга] Гильгамеш на стену поднимается,
85 стариков и молодых Кулаба ужас охватил.
86 Граждане Урука оружие битвы к своим бокам привязали,
87 перед дверью городских ворот остановились.
88 Энкиду из городских ворот вышел,
89 Гильгамеш через стену посмотрел.
90 Ага его там увидел (и спрашивает):
91 «Слуга, (этот) муж — твой господин?».
92 «(Этот) муж — мой господин,
93 правильно сказано!».
94 Толпу он поверг, толпу он поднял,
95 толпу с пылью он смешал,
96 все чужие страны он сокрушил,
97 в уста страны пыль он насыпал,
98 нос лодки *магур* отрезал,
99 Агу, правителя Киша, (в) середине его войска в плен взял.
100 Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,
101 Аге говорит:
102 «Ага, мой надзиратель, Ага, мой управляющий,
103 Ага, предводитель моего войска!
104 Ага улетающую птицу зерном насыщает,
105 Ага дыхание мне дал, Ага жизнь мне дал,
106 Ага беглеца к лону (матери) возвращает».
107 Урук, создание богов,

- 108 великую стену, касающуюся тучи,
 109 величественный покой, установленный Аном,
 110 ты сохранил, ты — военный вождь, герой!
 111 Завоеватель, государь, возлюбленный Аном,
 112 Агу для Киша он освободил,
 113 а тот перед Уту прежнюю власть тебе вернул.
 114 Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,
 115 хороша твоя хвала!

Комментарий

1 — 2. Т. Якобсен предлагает иной перевод: «Послов Ага, сын Энмебарэгеси, из Киша к Гильгамешу в Урук прислал». Различие в переводе основывается на разном толковании $-ke_4$ в первой строке, который Т. Якобсен рассматривает как $-ak$ (показатель родительного падежа) и $-e$ (показатель эргатива). Но поскольку в данном тексте $-ke_4$ часто стоит вместо $-ka < -(a)k-a(k)$, ср. сткк. 17 и 30, вполне возможен перевод: «Послы Аги, сына Энмебарэгеси, из Киша к Гильгамешу в Урук явились» (так же переводит С. Н. Крамер).

25 — 27. Т. Якобсен полагает, что в этом отрывке перечисляются задачи, предстоящие гражданам Урука в борьбе с Агой, поэтому он читает: $gub-gub-bu-dè tuš-tuš-ù-dè$ и т. д. и переводит «чтобы постоянно стоять смиренно, чтобы быть постоянно назначаемым и т. д.». Однако более вероятным кажется, что в данном случае мы имеем дело с перечислением разных названий людей и что подобное перечисление представляло особый прием в шумерийской эпической литературе: ср. аналогичный пример — $gub-ba nu-ub-sig_{10}-ge tuš-a nu-ub-sig_{10}-ge a-nir im-gá-gá$ «стоящий не молчит, сидящий не молчит, плач заводит» (S. N. Kramer, *The Death of Gilgameš*. BASOR, 94, A, 70) (так же переводит этот отрывок С. Н. Крамер). $Naš-anšu-díb-díb-bé-ne a-ba zi-bi mu-un-tuku-e-še$ букв. «сжимающие бока ослов, кто дыхание это имеет?».

36. $sag-lum-lum$, возможно, имя от составного глагола $sag-lum-lum$. Хотя такой глагол не засвидетельствован, его существование можно предположить, так как sag часто выполняет функцию именной части составного глагола, а $lum-lum$ означает «склонять (людей)» (ŠL, 565, 71 e). $Sag-lum-lum$, букв. «склоняющий головы». С. Н. Крамер воздерживается от перевода этого слова. Nun в данном случае не социальный термин, а эпитет.

37. Если считать, что $-aní$ относится к Гильгамешу, возможен другой перевод: «его (Гильгамеша) выхода как он (Ага) боится!». Перевод Т. Якобсена: «его (Гильгамеша) выхода как они (враги) боятся!» сомнителен, так как множественное число в глаголе в этом тексте, как правило, отмечается. С. Н. Крамер неправильно переводит глагольную форму 2 л. ед. ч.: «как ты испугался его (Аги) выхода!».

38. $a-ga-bi-ta$ букв. «от спины (задней стороны) его».

39. $igi nu-mu-da-gu-gí-uš$ букв. «не поглядели», если считать, что речь идет о составном глаголе $igi-gu(g)$ (по И. М. Дьяконову). Т. Якобсен переводит «эти люди не могут смотреть на него», С. Н. Крамер — «эти люди не держат высоко (свои) лица».

40—41. u_4-bi-a $^dGilgameš-en-Kul-aba^{ki-ke_4}$ $in[im]-guruš-uru-na-še ša-ga-ni an-húl$ $har-ra-ni ba-an-zalag$, букв. «Тогда Гильгамеш, верховный жрец Кулаба, из-за слов граждан своего города сердце обрадовал, печень просветлила».

47. $he-bir-re < *he-bir-e$ — форма переходного глагола 3 л. ед. ч. пожелательного наклонения Praesens-Futurum, поэтому перевод С. Н. Крамера «will be dissipated» неверен.

49. $Ag-ga-dumu-En-me-bára-gi_4-e-si Unu^{ki} zag-ga ba-an-díb-bé-eš$ букв. «(воины) Аги, сына Энмебарэгеси, Урук за бок схватили». Так как глагол имеет форму 3 л. мн. ч., то, хотя формально субъектом является Ага, переводить скорее следует «воины Аги».

53. Составной глагол *igi-múš-múš* не засвидетельствован, придерживаюсь перевода С. Н. Крамера, который предположительно переводит «хмурятся».

55. *lú-sag* С. Н. Крамер не переводит. По всей вероятности, *sag* в этой комбинации выполняет ту же функцию, что и в словах типа *ur-sag* (букв. «головная собака» — «герой», *máš-sag* «козел-вожак» и т. п., следовательно, *lú-sag* «главный человек». Ср. часто употребляющееся выражение *lú NN* в смысле «подчиненный NN».

61. *ká-ká-gal-ka* букв. «у калитки городских ворот».

63. В эпических текстах послешумерийского периода часть глаголов движения спрягается по переходному типу, сохраняя при этом непереходное значение, поэтому глагольную форму *mu-ni-in-te* можно перевести «он приблизился». Перевод С. Н. Крамера «he was brought» вряд ли возможен.

67—69. Иначе понимает этот отрывок С. Н. Крамер и Т. Якобсен. С. Н. Крамер полагает, что поднявшийся на стену Забардибунуга увидел Агу. Бирхуртур, стоящий рядом с Агой, обращается к Забардибунугу и пытается уговорить его покориться Кипшу. Т. Якобсен, напротив, считает, что Ага увидел Забардибунугу, затем Бирхуртур обращается к Забардибунуге, а в стк. 69 Ага спрашивает у Бирхуртура, не его ли господин человек, стоящий на стене. В переводе Т. Якобсена вызывает сомнение перевод стк. 68: «Бирхуртур говорит ему (Забардибунуге)». Поскольку в следующей строке содержится вопрос Аги к Бирхуртуру, более правильным кажется перевод: «(Ага) Бирхуртуру говорит», хотя, правда, при таком переводе скорее следовало бы ожидать написание *Bir-hur-tur-ra* вместо *Bir-hur-tur-ri*.

LÚ-ŠE С. Н. Крамер предположительно переводит «stout man». Т. Якобсен вначале в нем видел титул и переводил «grain-giver» «распределитель зерна», но потом на основе текста, приведенного Б. Ландсбергером, стал переводить «anyone from here» «кто-то из здешних». Второй перевод Т. Якобсена вряд ли подходит, так как, судя по тексту поэмы, на стене стоял только один Забардибунуга. Может быть, лучше поэтому на основе *ŠL*, 367, 21, который для *lú-še* дает значение *nita_h*, переводить «муж».

76—81. Поскольку этот отрывок по содержанию представляет единое целое, а в сткк. 78—81 глаголы имеют форму 3 л. ед. ч., постольку формы сткк. 76—77, по-видимому, тоже следует переводить 3 л. ед. ч., суффикс -eš в таком случае будет показателем прямого объекта 3 л. мн. ч. Так же понимает этот отрывок Т. Якобсен. С. Н. Крамер в сткк. 76—77 переводит глагольные формы множественным числом, в сткк. 78—81 пассивом.

87. *silá*, возможно, здесь имеет значение «перед, передняя часть» (см. *ŠL*, 12, 123, где для этого слова дается аккадский эквивалент *qudmu*).

giš ig-ká-gal-la-ka sila-ba bi-in-gub букв. «у двери городских ворот, у ее передней части (перед ней) они остановились», ср. аналогичный пример *kur-ra igi-ba bi-in-tab-en* «у горы, перед ней, она заперла меня» (*ELA*, 225), С. Н. Крамер переводит эту строку так же.

(Окончание следует)